

ПРИОКСНАЯ ПРАВДА
г. Рязань

25 ДЕК 1987

Годы
и люди

Р О Д О М

ИЗ «СИНЕЙ БЛУЗЫ»

Перебираем старые, пожелтевшие от времени афиши, и вдруг взор останавливается на строке, набранной крупным шрифтом: «Петр Невский». В памяти сразу встает фигура человека, которому посчастливилось в бурную послеоктябрьскую пору стоять у истоков нового, советского театра, на десятки лет связав свою судьбу с рязанской сценой.

Артист многопланового дарования, он начинал свой творческий путь на эстраде. Люди старшего поколения помнят его как незаурядного чтеца, обладавшего и прекрасной дикцией, и чувством юмора, и умением подчеркнуть кульминационные моменты повествования. Эти качества привели Невского в знаменитую для двадцатых годов «Синюю блузу». До сих пор в Ушах звучит боевой мотив музыкальных прологов ее агитационно-художественных представлений: Мы синеблужники, Труда союзники...

Объединив вокруг себя таких же, как он, энтузиастов, Петр Николаевич стал душой коллектива. Все мы поражались его умению пародировать и находить такие нотки, которые высмеивали нэпманов, клеймили мещанство и врачество. Проходили выступления синеблужников в рабочих клубах, устраивались и в Красном зале (ныне Дворец бракосочетаний).

Сатирический дар П. Н. Невского оставил свой отпечаток и на его последующей работе в драматических театрах Рязани. Но здесь его диапазон значительно расширился. О старых спектаклях напоминают не только афиши, но и некоторые уже поблекшие фотографии. Тогда, в двадцатые и тридцатые годы, довольно распространенными были постановки на исторические темы. Вот снимки сцен из «Князя Серебряного» и «Смерти Иоанна Грозного» — по произведениям А. К. Толстого. Вот эпизод из драмы К. Гуцкова «Уриель Акоста». А вот и «Ванька-ключник» — по мотивам русской песни. В этих спектаклях Петр Николаевич исполнял ведущие роли.

Как правило, в ту далекую пору зимние сезоны сопровождались поочередными бенефисами того или иного актера, сборы от которых шли в его пользу. Одному из нас довелось быть свидетелем истории, связанной с бенефисом Невского. Свой выбор Петр Николаевич остановил на инсценировке бессмертного романа Сервантеса «Дон-Кихот», в котором сыграл главную роль. Причем играл великолепно. Поржавевшие латы, причудливый шлем, шпага и копье не могли заслонить собою выражение его глаз, от которых веяло теплом открытой души, детской доверчивостью и вдохновением.

Правда, подготовка к спектаклю и сама постановка не обошлись без курьезов. Долго искали белую лошадь, на которой предстояло гарцевать «рыцарю печального образа». Наконец, нашли в горькомхозе. Однако закралось опасение: а не испугается ли она громких аплодисментов зрительного зала и не помчит ли седока в оркестровую яму?

— Не беспокойтесь, — ответил заведующий конюшней, — эта лошадка всю гражданскую войну с грузом прошла. Можете хоть из оружий палить, и то не заботится.

К счастью, все обошлось благополучно, хотя и возник-

ло другое препятствие. Театральный художник А. Авдеев (кстати, очень хороший живописец) из-за большого уважения к артисту явно перестарался с оформлением. Чего стоила хотя бы огромная ветряная мельница, вертящимися крыльями которой сражался Дон-Кихот! Эта картина вызвала подлинный фурор. Но для постановки массивных декораций и всяких подсобных сооружений театру, не имевшему специального оборудования, требовалось немало времени. Антракты длились по полчаса и больше, а сам спектакль закончился в... половине четвертого утра. Несмотря на это, зрители, восхищенные игрой бенефицианта, не спешили домой.

Но вернемся снова к творческой палитре П. Н. Невского. Совершенно иным выглядел он в других спектаклях. По-солдафонски вымученный Скалозуб из грибоедовского «Горя от ума» в исполнении то и дело наполнял сцену громким, рожочным смехом. Страшный в своем идейном невежестве в бесшабашном натиске марос-анархист из «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского шаткой походкой разгуливал по палубе, сверля все вокруг тяжелым колючим взглядом. Доморощенный философ Осип из гоголевского «Ревизора», развалившись на барской постели, предавался потешным раздумьям о «публичности» и «заботности». А прожженный делец — стряпчий Чугунов из «Волков и овец» А. Островского, казалось, намеревался излить без остатка свое елейное подобострастие. Сколько же разнохарактерных типов, обретавших на сцене плоть и кровь, подарил нам этот самобытный актер!

Но, пожалуй, одной из самых знаменательных вех на его творческом пути была работа над ролью старого солдата-патриота в пьесе К. Симонова «Русские люди». И когда его Глоба, приготовившийся идти на верную смерть, запевал любимую песню, то казалось, будто не только крепчал постепенно голос, но и сам человек делался выше ростом.

Не сосчитать, наверное, участником скольких шефских спектаклей и концертов был П. Н. Невский в годы Великой Отечественной войны. А когда немецко-фашистские полчища приближались к Москве и Рязани, он возглавил военное обучение работников искусств, оставшихся в нашем городе. Строгим и требовательным командиром становился на таких занятиях бывший красноармеец-ветеран. Но кончались учения, и мы вновь видели перед собой веселого собеседника, остроумного рассказчика, обаятельного товарища.

Можно нередко услышать, как зрители предвоенных, военных и первых послевоенных лет и поныне вспоминают имена полюбившихся им талантливых артистов областного драмтеатра, отдавших ему жар своих сердец. Таковыми были А. С. Верховский, Н. В. Кучинский, И. В. Никулин, С. Ф. Волгина, Е. А. Цветков, А. И. Машков, В. С. Макаеев и многие другие. К их числу принадлежал и актер-коммунист П. Н. Невский.

Е. МИШИН,
бывший заместитель
директора областного театра
драмы;

Г. КНЯЗЕВ,
член Союза журналистов
СССР.